

Но по-настоящему сдружились мы позже, все трое: Лёнька – дед твой, Вера и я. Сблизило нас происшествие с пакетом из ГорОНО. И этот же случай сделал Веру в классе изгоем.

Был один хулиганистый малый, всё к Вере цеплялся. Не только к ней, вообще девчонок дразнил, за косы дёргал. Пинка мог дать ни за что.

— Фёдка Граев? – перебил я бабушку. – Тот, что в первый день Веру буржуйкой обозвал?

Бабушка покачала головой.

— Нет, Фёдка хороший был парень. Идеальный просто сверх меры. В войну стал комсоргом, фронтовых медалей заслужил, знаешь, сколько? А того хулигана Юркой Прошиным звали. Он задира был, но трусливый: над девчатами насмехаться любил, а к парням не совался, боялся сдачи.

Его и в пионеры долго брать не хотели. Взяли лишь потому, что отец его настоящим стахановцем был, на заводе рекорды по выдаче ставил. Ну и Юру из класса в класс тянули, хоть учился он с двойки на тройку, прогуливал много.

Веру он с первых дней невзлюбил. Я своими глазами не видела, но рассказывали такую историю. На перемене шла Вера по коридору. Юрка сзади подкрался и – хлоп её по затылку учебником! Привык, что девчонки обычно робеют – кто в слёзы, кто в ругань, но сделать ничего не могут. Ну а Вера развернулась и как даст ему кулаком прямо в зубы. Юрка так и сел.

— Мало? – говорит Вера. – Смотри, добавлю, – и своей дорогой пошла как ни в чём не бывало.

Видно, Юрка это дело запомнил. Рук с ней больше не распускал, предпочитал дразнить издали. Впрочем, Вера на него ноль внимания. Ничто её не брало. Как он её только не обзывал: и фифой, и пигалицей, и немкой заезжей, и словами, которых мы тогда даже не знали. А однажды углядел у Веры на шее цепочку – и слух пустил, будто она католичка. Якобы у неё на цепочке крестик прицеплен религиозный.

Вера и вправду всегда с цепочкой ходила. Но что там – крестик, не крестик, или медальон какой, или просто украшение – разве узнаешь? Под одеждой не видно. Чтобы Вера крестилась прилюдно, молитвы шептала – никто такого не замечал. Но молва укрепилась. Стали многие на неё смотреть косо. Завезла, мол, предрассудки из-за границы: религию тогда пережитком считали.

Дошло до того, что на совете отряда вопрос поставили: объяснись, пионерка ты или верующая? Нельзя на двух стульях сидеть. Покажи, в конце концов, что у тебя там, на цепочке?

Вера им – наотрез:

— В церковь я не хожу, а цепочка – дело моё. Никого не касается.

Ну, все поняли: крест.

— Ошибаешься, – говорит Федька Граев. – Дело общее. Либо крест снимай, либо галстук. Не вправе пионер с красным галстуком богу поклоны бить, достоинство своё человеческое принижать и отряд позорить.

Вера побледнела. Говорит:

— Докажите. Докажите, что у меня крест. Пока не докажете – не виновная я. А доказать никогда вы не сможете.

И глядит на всех с вызовом, только ноздри от гнева вздымаются.

Ребята в нерешительности. Как быть? Неужто силой цепочку срывать? Вроде как-то неправильно.

Тут нашёлся умник один:

— Сама докажи! Отряд тебя обвиняет, ты и оправдывайся. Коллектив всегда важнее одиночки. А не станешь – считай, доказано. Мы тебя сейчас не то что из отряда – из всей Пионерской организации выгоним, с волчьим билетом.

Вера им:

— Не имеете права. Не вы меня принимали, не вам и выгонять.

Федька:

— Голосуем!

— Голосуйте. Я до самой Москвы, если надо, дойду.

ЦК комсомола меня восстановит.

Отряд в замешательстве. Такая убеждённость у Веры, что ребят сомнение берёт: то ли и впрямь правота на её стороне? То ли у неё в Москве покровители? Дикая мысль, а всё же. Как-никак, отец дипломат.

И тут Юра Прошин себя проявил. Видит, все против Веры настроены. Значит, решил, любая выходка ему с рук сойдёт.

Метнулся к Вере, руку под воротник, и сорвал с неё эту цепочку.

— Вот! – крикнул. – Смотрите!

Вера с размаху ему – пощёчину. Юрка отскочил, цепочку в кулаке сжал, поднял на всеобщее обозрение.

Отряд ахнул: на цепи и не крестик совсем, а значок, на вид октябрятский. Но двусторонний, без всякой булавки.

Ребята сгрудились в кучу – рассмотреть, убедиться.

Вера:

— Отдайте!

Ей:

— Обожди!

В самом деле, значок – точно как октябрятская звёздочка, только вместо Володи Ульянова – серп и молот в колосьях, а над ними алое знамя.

Ребята загалдели:

— Что за штука?

— Вроде и наша, да не совсем...

— Нет, не делают у нас таких.

— То, наверно, испанская!

— Да нет, тут по-русски написано. Видите, сверху:

СССР.

— А снизу что за буквы? Эс-Ха-Эс... Что значит «Эс-Ха-Эс»?

— Сельхозсоюз, должно быть, какой-то. Не важно. Серп и молот есть, знамя – красное, – значит, наш значок, правильный.

Расступились, обернулись к Вере:

— Что ж ты скрывала? Разве можно такого стыдиться? Мы уж вправду думали: крестик. Вот Юрка брехун, горазд человека порочить.

Юрка сник. Опозорился перед отрядом.

Вера молча цепочку выхватила. Да так, не говоря ни слова, и ушла.

Я потом её спрашивала:

— Почему ты им не сказала? Можно ж было значок вынуть, разом Прошина посрамить.

— А зачем? — удивилась Вера. — Что мне Прошин? Не люблю я душу напоказ выставлять. И когда силой давят, всё во мне закипает. Попросили бы дружески, другое дело.

— Боюсь, — говорю, — Юрка тебе теперь смертельный враг станет. Он мстительный.

— Пусть, — отвечает Вера. — Может, хоть через ненависть у него характер окрепнет. А то сейчас слизняк слизняком. Ничтожество.

Но Юрка так слизняком и остался. Когда немцы в войну Ростов заняли — в полицаи пошёл. А потом с отступающим вермахтом сгинул. Может, пришибли его, а может, сумел до Германии дотянуть, да там и затерялся.

Только Вере он крови попортил немало.

Как-то раз, весной уже, мне выпала очередь дежурить по классу после уроков. Я всё прибрала, подмела. Цветы полила на окне. Класс закрыла, ключ тёте Гале вернула, вахтёрше.

А вечером мы с Верой в беседке сидели, против школы, под вязами. Судачили о том о сём. И как-то речь зашла о фашистах. Я спросила: встречала ли она в Испаниях-Германиях настоящих фашистов? Какие они?

Вера рожицу скорчила, ладони к ушам приставила, будто рога:

— Ууу! — страшным голосом взвыла. Мол, такие они, фашисты: не то черти, не то уродцы рогатые.

И хохочет.

Я обиделась. Говорю:

— А серьёзно? К чему дурачества эти?

Отсмеялась Вера. Говорит:

— Ладно, Алён. Слушай. Есть два вида фашистов. Есть фашисты от нехватки ума, а есть от нехватки сердца. Бессердечные — хуже. Они заводили. Им плевать на чужую беду, на людские страдания. Фашист глух к чужой боли. Ради целей своих готов полмира в крови потопить. Фашист — такой человек, который заранее себе всё простил. Потому

для него нет барьеров – убить, украсть, сподличать. Те же, что от нехватки ума, – просто люди как люди, не привыкшие думать. Они пойдут за любым вожаком, словно стадо. Фашист, монархист, коммунист – любой их может увлечь, подчинить своей воле. Они будто мягкая глина: что вылепишь, то и получишь.

Я задумалась.

— Почему ж тогда, – спрашиваю, – коммунисты их за собой не позвали? В Германии Эрнст Тельман есть, в Испании Пламенная Долорес. Неужто фашисты убедительней оказались?

Тут и Вера примолкла, взгрустнула.

— Не знаю, – говорит. – Может, в том дело, что фашисты на низменных чувствах играют – жадности, корысти, злобе к соседу. А вниз всегда упасть проще, чем в небо взлететь.

Вот так сидим мы, болтаем. Вдруг Вера встрепенулась, насторожилась. Привстала, на школу поглядывает. А стемнело уже совсем. На юге рано темнеет и быстро. Я головой завертела. Говорю:

— Что случилось?

Вера палец к губам поднесла:

— Тсс! погоди минутку.

Из беседки выпорхнула и прямо к школе помчалась. Слышу: шорох, затем свист какой-то.

Я за ней. Но пока догнала – Вера уже назад топает не спеша.

— Померещилось что-то? – спрашиваю.

— Не знаю, – говорит. – El tiempo dirá: поживём-увидим.

И дальше на все расспросы – молчок.

А наутро приходим мы в школу – там переполох. Шум, гвалт... Уже в раздевалке суета какая-то странная, а как в класс зашли, смотрим – Анна Никитична бледная вся, сама не своя. Звонящим голосом спрашивает:

— Кто это сделал?!

Мы с Верой переглядываемся: о чём речь?

В общем, выяснилось: взломали учительский стол. Оказывается, намечался контрольный диктант. Бывали у нас такие диктанты, без предупреждения. Так вот, накануне из ГорОНО пришёл закрытый конверт – материалы к диктанту. Анна Никитична тогда конверт спрятала в ящик стола, как положено. А теперь – ящик взломан, конверт исчез. Как такое случилось?

Прибежал Андрей Евсеич, директор. Мы все встали. Гадаем, что будет.

Директор давай нас распекать.

— Сознавайтесь, – говорит, – кто это совершил? Взлом, хищение документа – подсудное дело.

Все молчат, как воды в рот набрали.

Директор повысил голос.

— Хорошо, – говорит. А по тону понятно, что совсем ничего хорошего. – Мы, – говорит, – это так не оставим. Разберём по всей строгости. Пятно ляжет на весь отряд.

Ну, ребята глазами пол сверлят. Странное чувство: вроде и знаешь, что не виноват, а всё равно стыдно.

Андрей Евсеич тогда спрашивает:

— Кто последний брал ключ от класса?

И тут я похолодела. Сердце разом в пятки ушло. Ведь я же, я вчера дежурила! И ключ тёте Гале вернула. Сейчас вспомнят об этом – как тогда оправдаешься?

Но вспомнить никто ничего не успел, потому что тут Вера шагнула вперёд и сказала громко:

— Я знаю, кто вор.

Все глаза на неё устремились. Тишина сделалась необычайная. А Вера, как ни в чём не бывало:

— Юра Прошин. Он выкрал конверт.

Юрка аж подскочил:

— Врёшь! – кричит.

Анна Никитична:

— Тише! Тише, ребята!

Андрей Евсеич – Вере:

— Тальянцева? Объяснись!

Юрка:

— Врёт она всё! Сама и украла!

Вера отвечает:

— Мы вчера с Алёной в беседке сидели, там, за школьным двором. Вечер был, восьмой час, но я в сумерках вижу неплохо. Смотрю: тень мимо школы крадётся. И вроде на первом этаже окно отворилось – отблеск был. Я подумала: может, кто хулиганит, или в живой уголок октябрята пробрались. Подбегаю, окно закрыто, но успела заметить – Прошин Юра, пригнувшись, бежит. Я свистнула по-особому – внимание его привлечь. Он обернулся, меня не заметил. Но вижу, к груди прижимает что-то – то ли книгу, то ли какое письмо. Я вначале не догадалась, а теперь поняла. Это он конверт выкрал.

— Допустим, – директор с сомнением говорит. – Но как мог Прошин окно отворить? Оно изнутри на щеколду закрыто.

— А вы проверьте – закрыто ли. Достаточно было щеколду заранее приподнять.

Осмотрели все окна. Действительно, на одном щеколда приподнята. Распахнуть ничего не стоит.

Андрей Евсеевич к Прошину повернулся:

— Ты что скажешь?

А Юрка-то нос задрал, усмехнулся да и заявил:

— Врёт она! Иностранка, боялась диктанта. Прознала и выкрала. Ключ у ней есть – за кроличьим уголком смотреть. Вот и шастает по школе, когда вздумается. В ранец к ней загляните, или в пальто. Ручаюсь, найдёте конверт!

Вера от гнева румянцем покрылась. Что-то воскликнула по-испански.

Я не выдержала, кричу:



— Не верьте ему! Я тоже его вчера видела. Вера правду сказала!

Хотя, по-настоящему, конечно, не видела я. Но сердцем чувю: не Вера воровка, а он.

Не знаю, что было бы, только тут Лёня вмешался.

— И дурак же ты, Прошин, — с презрением говорит. — Думал, никто не заметит, что ты возле пальто её в гардеробе вертелся перед уроком? Ну, так я тебя видел. А теперь суди сам: если б конверт вчера и впрямь она выкрала, на что ей таскать его при себе второй день?

Юрка нагло:

— А мало ли?!

— А вот не мало!

Ну, директор пресёк перепалку. Проверили, и действительно, мятый конверт у Веры в пальто отыскался.

Юрка Прошин вины не признал. Вера, понятно, тоже. Как быть — неясно. Слово против слова. Сам момент, когда Юрка конверт ей в карман подложил, Лёня не видел, а врать не в его было правилах.

В общем, кому верить, каждый сам для себя решал — и учителя, и ребята. Но поскольку конверт оказался не вскрытый, печати все целые — страсти сразу поулеглись, Андрей Евсеич отмашку дал, и в тот же день диктант всё-таки состоялся, вместо урока литературы. А дальше всё в колею вошло. Ни судов, естественно, ни милиции.

Только вот что самое удивительное. Постепенно, без всяких признаний, все как-то поняли, что виновен был Юрка. Просто он хулиган был, дрянь-человек, и с конвертом история вполне в его характер укладывалась. Но в том и беда-то, что Юрка был свой, а Вера чужачка. С Юрки что взять? Он своим поступком ничего нового не открыл: все и так знали, кто он и что он. А вот Вера, что его первая директору выдала, навлекла на себя неприязнь всего класса. Кроме меня да Лёни с ней вообще разговаривать перестали.

Если прежде её гордячкой за глаза называли, то теперь уж открыто – доносчицей.

Говорили:

— Ишь, не терпелось... Проявила инициативу, товарища выдала. За язык, небось, никто не тянул.

Однажды ей Нина Сомова напрямую всё высказала.

Вера в ответ:

— Он мне не товарищ. Он подлец и ничтожество. Сражался бы он среди наших в Испании, я бы враз его застрелила, клянусь алым знаменем! Из-за таких, как он, и пала Испанская Республика.

— Да ты сумасшедшая, – испугалась Нина. – Дикарка какая-то. Держись от меня подальше.

Так Вера стала изгоем. И только я понимала, что своим выступлением она меня защитить хотела. Промедли она минуту, и все вспомнили бы, что дежурной-то была я и, значит, я могла конверт выкрасть. Подтвердить невиновность мою некому, свидетелей не было. Так и ходила бы с клеймом воровки.

Лёня тоже всё правильно понял.

Вера после диктанта к нему подошла. Говорит:

— Спасибо, что поддержал. И ладошку протягивает – руку пожать.

В наше время мальчишки с девочками за руку не имели привычки здороваться. Как-то было не принято. Вера не знала, нахваталась, должно быть, зарубежных обычаев. Но Лёня виду не подал, свою ладонь протянул. Сказал:

— Я же чувствую: честная ты. Не то, что этот шельмец.

С той поры мы все трое друг дружки держались. А к лету сделались неразлучны.

...Бабушка надолго умолкла. Рассказ утомил её. Я сидел, облокотившись на стол. Размышлял. Один вопрос не давал мне покоя. Но спросил я совсем о другом:

— Что же, выходит, Веру ваш класс до конца бойкотировал? До самого выпускного? И учителя на это спокойно смотрели?

Бабушка покачала головой.

— Нет, всё наладилось... позже. Но уж очень нескоро. Дети часто бывают жестоки, несправедливы. Я-то знаю, как-никак сорок лет школе отдала. Всякого насмотрелась. А Вера... Пока своё доброе имя вернула, прошло больше года. Случай был, ей несладко пришлось, зато и Прошина из школы вышибли наконец. Как-нибудь тебе расскажу, не сейчас.

Я кивнул. И решился:

— Ты сказала вначале, что дедушка был бы не рад про Веру услышать. Почему?

Бабушка усмехнулась.

— Много будешь знать, скоро состаришься.

И я понял: лучше не спрашивать. Впрочем, и так всё понятно. Какие могут быть варианты?

Мы ещё посидели немного. Часы на стене глухо пробили восемь. Бабушка встрепенулась: начинался её сериал, давняя вечерняя традиция. Нацепив очки, она встала и, шаркая ногами, поплелась в комнату, где стоял старинный телевизор «Рубин» – здоровенный ящик с выпуклым экраном из толстого стекла.

— Учи своего Труэбу, – бросила она напоследок. – Если что непонятно, заходи потом, разберём. Память что решето стала, а всё ж ещё что-то теплится.

— Я лучше в магазин пока выйду, – крикнул я вслед.

Бабушку я огорчать не хотел, но и заниматься при включённом телевизоре было невозможно. Грохотал ящик всегда на полную мощность, и не было в квартире угла, где бы можно было укрыться от этого грохота. Но бабушка слышала плохо, годы брали своё, и, усевшись перед телевизором в мягкое кресло, она вскоре засыпала, убаюканная домашними интонациями сериальных героев.

Луисы Альберто, Марианны и всяческие Хосе Игнасио многословно устраивали свою личную жизнь, а бабушка мирно дремала, утомлённая заботами дня.

И сейчас я впервые подумал о том, что в чужестранной речи мексиканских сеньоров и сеньорит, пробивавшейся сквозь русскую озвучку, бабушка могла слышать что-то родное, знакомое с детства, напоминавшее о близкой когда-то подруге...

Я отнёс кастрюлю с помидорами к балкону – там прохладнее. Погасил свет на кухне. Закутался в зимнюю куртку, затворил потихоньку дверь и вышел на улицу.

Был мирный вечер, дома в городке светились разноцветными окнами. Аллея, ведущая к бывшему военторгу, оказалась пустынна. В мои детские годы в военторге, на втором этаже, был игрушечный магазин. Там же продавались и книжки. А на первом этаже, рядом с продовольственным отделом, помещался так называемый стол заказов, где ветеранам порой выдавали дефицитный товар.

С тех пор прошло много лет, исчез дефицит, не осталось почти ветеранов. Сгинули книжки, игрушки. Военторг перестроили, и недавно его выкупила то ли «Пятёрочка», то ли вездесущее «Дикси».

Впрочем, это был не худший вариант. Местному Дому культуры повезло куда меньше. В «лихие девяностые» он сгорел, и до сих пор на его месте сиротливо вздымались руины, сквозь которые уже проросли молодые деревца в человеческий рост.

Всякий раз, приезжая в эти края, я вспоминал детство. Когда-то мы с дедом исходили здесь все тропки-дорожки. Когда-то с братом, мамой и папой бегали купаться на речку. За военторгом раньше тянулись ряды деревянных сараев: владельцы использовали их вместо погребов, хранили кадки с соленьями. А дед свой сарай приспособил под мастерскую. Мы с ним вместе «работали»: дед строгал плашку для книжного шкафа, а я

рядышком обстругивал какую-то палочку, уж не помню зачем. А порой, в разгар летней жары, к нам заходила и бабушка – принести бидон с квасом или пакет с бутербродами.

Сараи давно снесены. На их месте бесхозный пустырь с жухлой серой травой. Прошлое уходит, утекает сквозь пальцы, превращается в неосязаемую дымку воспоминаний.

Воспоминания дремлют где-то за краем сознания, иной раз годами не дают о себе знать. И всё равно каждый раз оживают, расцветают, как ландыши по весне, стоит лишь снова попасть в родные края...

Но сегодня у меня не шла из головы последняя бабушкина история. Далёкие тридцатые годы. Довоенный Ростов. Странная девочка из Испании. Бабушка с дедом, ещё совсем юные, не ведающие, что судьба свяжет их на всю жизнь...

И могло ли всё повернуться иначе? Кто знает, был бы я сейчас здесь, если бы...? Да и был бы вообще?

\* \* \*

Голоса в телевизоре слились в общий гул. Бормотание сделалось неразборчивым, отдалилось... Картины прошлого заполнили сознание. Бабушке снилось лето... Лето тридцать девятого года...

...Лёня, Вера, Алёна бегут по зелёному лугу. Со стороны это похоже на игру в догонялки. Но нет, они же не малыши! Они запускают модель самолёта. Прекрасный вёрткий самолётик-биплан, сложенный из тонкой фанеры и реек, оклеенный серебристой калькой, взмывает в синее небо. На широких крыльях – красные звёзды.

— Эге-гей! – кричит Лёня.

— Соггamos<sup>1</sup>! – восклицает Вера.

— Летит, летит! – в восторге вопит Алёна.

---

<sup>1</sup> Бежим! (исп.)

Встречный ветер развеивает им волосы, свистит в ушах, холодит раскрасневшиеся от быстрого бега лица.

Самолёт поднимается выше, подхваченный воздушным потоком. Кажется, ещё чуть-чуть, и он превратится в сверкающую искру, в точку, растворится в безбрежном небе. Но вот высота пошла на убыль. Самолётик плавно снижается – далеко-далеко. Где-то там кончается луг, за обрывом стремительный Дон. Неужели модель пропадёт? Этого допустить нельзя!

Лёня мчится быстрее всех. За ним, лишь чуть-чуть отставая, Вера; она смеётся, сине-белое матросское платье полощется на ветру. Алёна бежит без усилий, едва касаясь ногами земли – для неё бег всегда был сродни полёту. Довериться ветру, расправить руки-крылья, и, кажется, ты уже в небе – паришь над землёй вольной птицей! На мгновенье Алёна закрывает глаза, предаваясь счастливым мечтам... Но тут слышится победный возглас!

— Есть! Вот он!

Это Лёня у самого края обрыва, вытянув руку, словно Мальчиш-Кибальчиш на знаменитом рисунке, схватил самолёт на лету.

Вера хохочет, догоняет друга, а следом подбегает Алёна. Все трое смешиваются в кучу малу, рискуя сорваться с крутого берега или повредить так удачно спасённую модель. Впрочем, берег не очень высок. Слышно, как шумит Дон.

— Не сомни крылья! – слышится весёлый возглас. – Киль, киль, осторожно!

Лёня отбрасывает самолёт в сторону, и тот утыкается носом в травянистую кочку. А друзья, расцепив объятия, отдышавшись, лежат теперь на спине, наблюдая за бегущими облаками. Сладковатый воздух пьянит, вливается в лёгкие.

— Para siempre<sup>2</sup>, – говорит Вера тихо.

— Para siempre, – отвечает Алёна.

---

<sup>2</sup> Навсегда (*исп.*)

А Лёня поднимает ладонь в пионерском салюте.

\* \* \*

Август. Догорает усталое лето. Дни ещё стоят жаркие, душные, но темнеть начинает всё раньше. Алёна под маминым руководством шьёт новое платье к школе — прежнее ей мало.

Вера пропадает в живом уголке — выхаживает крольчат.

Лёня рыбачит.

Однажды погожим утром друзья собираются вместе. Лёня снаряжает лодку, вместительную плоскодонку. Решили сплавить к станице Старочеркасской. На излучине, не доходя до станицы, есть хорошее, рыбное место. Там водится крупная стерлядь, севрюга, а в норах скалистого берега гнездятся кусачие раки.

Обычно Лёня ездил рыбачить с Васей Хомяковым, верным другом ещё с дошкольной поры. Но сейчас Вася в Ставрополе, у тётки. А в лодке хватит места и на троих.

Алёна, подобрав подол платья, перешагивает через бортик. Вера уже на скамье, убирает в кормовой ящик корзинку с едой: плаванье продлится весь день. Лёня берётся за вёсла...

Течение слабое, лодка движется быстро. Ростов позади, видны только фабричные трубы. Алёна просит:

— Дай мне погрести! — она видит, что Лёня устал.

— А моя когда очередь? — требовательно интересуется Вера.

Но Лёня не пускает девчонок за вёсла. Не сейчас. Может, позже.

...Миновали часы. День в разгаре. Солнце стоит высоко. Лодка пришвартована к берегу, поросшему дикой осокой. Вокруг ни души. Расставлены удочки, но пока клёв неважный.

Лёня предлагает искупаться, и Вера с Алёной, переодевшись в ближайшем кустарнике, вбегают в холодную воду.

Чуть поодаль виден заброшенный пирс с потемневшим дощатым настилом. Лёня прыгает с пирса, подняв тучу брызг.

— Плывите сюда! – кричит он. – Не то распугаете рыбу!

Алёна ныряет, отфыркивается, оглаживает мокрые волосы. Вера, углядев на дне блестящий камешек, достаёт его и со смехом кидает вдаль. Камешек-голыш трижды отскакивает от воды, потом тонет.

...А вот друзья сидят уже на пирсе, болтают ногами в воде.

— Хорошо! – вздыхает Алёна. Ей приятно смотреть, как внизу носятся стайки серебристой рыбёшки.

— Слышите? – спрашивает Вера и разводит в стороны руки, будто хочет обнять солнце, небо, весь мир. – Слышите? Земля поёт.

В самом деле, слышен едва различимый гул. Стрекохучут кузнечики, гудят, замирая, стрекозы, плещет волнистой рябью о берег весёлый Дон.

— Пора братья за дело, – напоминает Лёня.

Вера идёт проверять удочки.

— Скорей! – слышится её голос. – Здесь клюёт!

Друзья бросаются на зов. Лёня вытягивает из воды увесистого желтоватого карпа. Оглушает, бросает в ведро. Вера споро насаживает на крючок новую приманку.

— Не жалко тебе рыбу-то? – спрашивает Лёня полушутя. Он знает Верину любовь ко всякой живности. Сам не раз помогал ей в живом уголке.

Вера слегка хмурит лоб. Отвечает серьёзно:

— Я раньше жалела. Отцу всё мешала рыбачить. А потом прочитала, что у рыбы всей памяти – три секунды. Она, считай, и не знает, что на свете живёт.



— Это что ж получается, – рассуждает Алёна, – у карпа этого каждые три секунды всё равно что новая жизнь?

— Ну да, – кивает Вера. – Вот сколько этому, скажем?

— Года два, – прикидывает Лёня на глаз.

— Значит, он будто двадцать миллионов жизней прожил, – сходу заключает Вера. – Только проку от этих жизней? Многому ли научишься за три секунды.

— Двадцать миллионов? – поражается Лёня. Принимается соображать в уме – проверяет. Сбивается, чертит палочкой на песке.

Алёна успевает быстрее:

— Двадцать один миллион!

— И двадцать четыре тысячи сверх, – добавляет Вера. – Если, конечно, возраст точным считать.

— Слушай, Вер, – изумляется Лёня, – где ты так в математике поднаторела?

Вера пожимает плечами:

— Само получается. Не знаю, у меня с детства так. Есть что-то в числах такое – правдивое, чёткое, верное. Будто невидимый свет. Не такой живой, как от солнца, но яркий: в нём сразу всё видно – суммы, разности, произведения... Не знаю, как объяснить.

Смущённая, она замолкает.

— И это именно в числах? – уточняет Алёна. – Не в буквах, словах или географических картах? У тебя только с математикой так?

Алёна слышала где-то, что есть люди, для которых буквы и цифры будто окрашены в разные цвета. Буква «А», например, красная, «М» зелёная. Это помогает запоминать слова, насыщает красками воображение. Но эта способность редкая, и Верин случай, похоже, иной.

— С арифметикой, – подтверждает Вера. – Вообще у меня есть догадка. Вот, например, это дерево, – Вера показывает на склонившийся к реке клён. – Сейчас оно

крепкое, сильное, зеленеет листвой. Осенью листва пожелтеет, затем опадёт. Весной снова вырастет. Пройдут годы; быть может, столетия. Вырастет клён ещё выше, а после погибнет, засохнет. Или срубит его дровосек. Через тысячу лет не будет здесь этого клёна. А миллион лет спустя, наверно, и берега тоже не будет, и Дон пересохнет.

— К чему ты это? – хмурится Лёня.

— А к тому, что с числами всё иначе. Дважды два – оно и сейчас четыре, и через триллион лет тоже будет четыре. И при основании мира, и при его закате – как ни крути, четыре, и точка! Математика – незыблема получается. Числа не лгут, не меняются. Может, это и придаёт им ясность, внутренний свет.

Вера зябко повела плечами. Продолжила:

— В других науках такого нет. Взять те же республики наши. Вначале одна Россия была. Затем стало четверо, объединились в Союз. Теперь их одиннадцать. А сколько окажется завтра? Кто знает... Или вот международная обстановка. Недавно Германия врагом нам была, а сейчас договор подписали, конец вражде. Вчерашним противникам руку жмём. Но что станет после?

Солнце заходит за длинное мутное облако. Сразу становится холодно. Лёня встаёт – собрать сучьев и хворосту для костра.

— Тебя послушать, – говорит он, обернувшись через плечо, – выходит, хороши только мёртвые цифры. Клён тебе, видишь ли, плох, он не светится, потому что однажды умрёт. И все мы умрём, человечество вымрет, поэтому людям нельзя доверять: они ненадёжны, мол, непостоянны. Как этот карп-бедолага: двадцать миллионов жизней отжил, а попался-таки на простую приманку, и теперь из него мы сварим уху.

Вера тоже встаёт:

— Пойду переоденусь, замёрзла.

«Обиделась», – думает Алёна.

Однако, вернувшись, как ни в чём не бывало, Вера продолжает прерванный разговор.

— Не в том дело, кто плох, кто хорош. В постоянстве свои слабые стороны. Лежит в траве камень – холодный, твёрдый. Миллион лет может так пролежать. И ты всегда знаешь, чего от него ожидать. Нет от него ни тепла, ни радости. А если люди будут друг с другом – как камни? Неуступчивы, несговорчивы, слепы и глухи? На любовь отвечать безразличием, на симпатию – каменным сердцем? Мир станет чётко и ясен, как математика, но лишится чего-то важного.

— Ну, запутала совсем, – фыркает Лёня. – То у тебя постоянство заслуга, то наоборот. Ты уж выбери, на чьей ты стороне?

— А всё просто, – отвечает Вера. – Математика удобна, но в ней нет горизонтов. Всё всегда одинаково. А у человека есть будущее. Есть надежды, мечты. Математика всегда себе равна, а человек может вырасти над собой. Когда-нибудь наука победит смерть, люди станут жить вечно, но они всё равно будут стремиться выше и выше, мечтать, любить, жить друг для друга, для всех. Может, тогда у человечества тоже появится свет – согревающий, добрый...

— А сейчас? – спрашивает Алёна. – Сейчас никакого нет света? Ни чуточки?

Вера кладёт ей на плечо жаркую ладошку.

— Когда чувствуешь, что тебе с кем-то тепло, хорошо... Может, в эту секунду и рождается свет для всего человечества?

— Ладно вам, – Лёня добродушно прерывает девчат. – Заладили всё о высоком. Давайте, что ли, костёр разожжём? Вот и будет вам свет.

*Продолжение следует*